

© Гласер М.А.¹, © Королева (Красикова) Л.В.²,
© Королев А.С.³

Новая модель поведения малых государств в интеграционных объединениях: примеры ЕС и АСЕАН⁴

Аннотация. В статье рассматривается новая модель поведения малых государств в интеграционных объединениях на примере Европейского союза (ЕС) и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Авторы анализируют политику балтийских государств в рамках ЕС, а также политику Мьянмы, наиболее «проблемного» государства – члена АСЕАН, и Восточного Тимора, потенциального участника Ассоциации. Под «новой моделью» авторы подразумевают стратегию «заманивания», которую малые государства используют для увеличения собственного политического веса и укрепления переговорных позиций в объединениях. Однако на практике можно наблюдать и обратную сторону стратегии «заманивания»: малые государства

---

¹ *Гласер Марина Алексеевна* – доктор философских наук, профессор, департамент международных отношений, Факультет мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ; mglaser@hse.ru

² *Королева (Красикова) Лолита Витальевна* – стажер-исследователь, Центр комплексных европейских и международных исследований, НИУ ВШЭ; lkrasikova@hse.ru

³ *Королев Александр Сергеевич* – кандидат политических наук, заместитель директора, ведущий научный сотрудник, Центр комплексных европейских и международных исследований, НИУ ВШЭ; доцент, департамент международных отношений, Факультет мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ; askorolev@hse.ru

⁴ Статья подготовлена за счет финансовой поддержки гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук МК-4715.2022.2.

своей политикой генерируют вызовы и угрозы для функционирования объединения, вынуждая остальные государства-члены адаптироваться под новые кризисы.

Стремлением участвовать в интеграционном процессе с более крупными и сильными игроками обусловлено использование балтийскими государствами – членами ЕС европейских ценностей в качестве инструмента «заманивания» средних и крупных держав в колею антироссийскости. Эта стратегия проявляется в многочисленных инициативах, направленных на разрушение отношений ЕС и России с самого начала пребывания Латвии, Литвы и Эстонии в Евросоюзе. В результате продвижения русофобии на общеевропейский уровень балтийские страны обретают не только политический вес в выработке и принятии внешнеполитических решений ЕС, но и способность контролировать ЕС изнутри посредством формирования внутренних объединений русофобных стран, в числе которых Польша и др.

В АСЕАН главным «раздражителем» и одновременно нарушителем баланса сил в настоящее время является Мьянма. Острый гуманитарный кризис вкупе с тяжелой социально-политической обстановкой в стране после прихода к власти военных существенно дестабилизировали интеграционные процессы в АСЕАН, сформировали угрозу социальной безопасности в Юго-Восточной Азии (ЮВА), подсветили неспособность Ассоциации эффективно реагировать на внутренние кризисы. Потенциальное вступление в Ассоциацию Восточного Тимора служит предметом разногласий среди участников объединения и в текущих условиях может углубить дезинтеграционные процессы в АСЕАН.

Ключевые слова: малые державы, «заманивание», интеграция, ценности, политический кризис, ЕС, АСЕАН, страны Балтии, Венгрия, Мьянма, Восточный Тимор.

Введение

Сегодня многие российские и зарубежные политики и эксперты без сомнения признают, что современная структура международных отношений переживает быструю трансформацию, при этом процесс изменений имеет нелинейный характер. Параллельное существование как минимум четырех моделей миропорядка, имеющих черты однополярности, биполярности, многополярности, средневекового феодализма, размывает глобальный геополитический *status quo* [Väyrynen, 2019] и порождает ситуацию, в которой одновременно действуют центростремительные и центробежные

тенденции, стремление к фрагментации и консолидации. Как долго будут развиваться эти процессы, сказать трудно, однако в сложившихся обстоятельствах условия, необходимые для комфортного существования государств, несомненно, меняются. В ожидании будущих шоков, особенно обусловленных стремлением государств сохранить экономическую конкурентоспособность и обеспечить национальную безопасность, любая внешнеполитическая деятельность приобретает особый смысл. Тем более, что проблемы, рожденные во внешнеполитическом поле, откликаются изменениями внутри обществ. Практически повсеместно можно наблюдать растущую социальную фрагментацию и поляризацию обществ по политическому спектру.

Однако пути выхода из сложившейся ситуации для крупных, средних и малых государств разные. Для последних основой внешнеполитического поведения является заключение союзов с более сильными игроками: стремление опираться на многосторонность, международные организации, союзы и альянсы для защиты своих национальных интересов, избегать рисков и отчуждения от могущественных государств продиктовано скромными количественными (в том числе материальными) характеристиками малых государств [Henderson, 1991]. В самих альянсах малые государства взаимодействуют с союзниками по определенным принципам – балансирования, примыкания, хеджирования, укрывания [Скриба, 2014], – поскольку вынуждены адаптироваться к своей политической среде и среде безопасности, а не доминировать в ней. Под средой безопасности мы понимаем физические (географическое положение, ландшафт, выход к Мировому океану); цивилизационные (особенности культуры, религии, обычаев и традиций, языка населения); политические (особенности государственного устройства); дипломатические (характер и качество отношений между акторами); а также военные, экономические, социальные, экологические, информационные характеристики внешнего и внутреннего пространства государства.

Для нашего исследования важно также и то, что малые государства по форме правления могут быть как полностью суверенными, так и полусуверенными (когда часть важных функций внешней политики передана более крупным государствам), а также самоуправляющимися и несамостоятельными территориями

[Paul, 2000]. Малые государства обычно неспособны сохранять свою автономию и отстаивать свои интересы с помощью «жесткой» силы, им нужны иные механизмы и средства для достижения своих внешнеполитических целей.

Однако, устанавливая критерии для определения малых государств, мы можем добавить к количественным показателям некоторые качественные характеристики – идеи, идентичность, предпочтения национальной элиты, – что расширит наше понимание внешнеполитического поведения малых государств [Thinking ... , 2013]. Этими качественными характеристиками зачастую обуславливается стремление малых государств *следовать морализаторству во внешней политике*, хотя эта тенденция, как правило, купируется ограниченностью их ресурсов [Henderson, 1991]. Тем не менее малые государства могут преодолеть ресурсный ограничитель, если превратят указанную тенденцию в восходящий политический тренд. В этом случае формируется новый принцип их взаимодействия с союзниками по альянсу – *«заманивание»* последних в ловушку определенного алгоритма действий, что создает для малых государств уникальные возможности для реформатирования своих стратегических интересов, поскольку замаскированная под невинное и справедливое действие апелляция к некоей разделяемой в альянсе или союзе императивной моральной норме позволяет малым государствам добиться двух важных целей.

Во-первых, стать *малой державой* – «государством с ограниченными возможностями удовлетворения собственных потребностей в области безопасности, но вполне независимым в своем внешнеполитическом мышлении и способным проецировать значительное или умеренное влияние в определенных регионах» [Köllner, 2021, p. 427].

Во-вторых, присвоить себе некоторые функции контроля более крупных государств того союза, в котором они (в том числе и неформально) находятся, а в некоторых случаях – и контроля всего союза целиком, при этом не имея для этого никаких объективных оснований. Этот контроль может как консолидировать союз, так и разрушить его. Малая держава способна реформатировать моральные нормы и ценности, создать их новую иерархию и на этой основе сформировать новые союзы и альянсы, возможно, более устойчивые по сравнению с прежними интеграциями, не

предлагая себя в их лидеры, но оставаясь их центром тяжести. Мы полагаем, что в разных регионах мира таких малых держав становится все больше.

Ключевой вопрос исследования: какова природа новой модели поведения малых государств в союзах и интеграциях с более крупными державами, позволяющей им инициировать стратегию адаптации и доминирования в политических союзах и шире – в региональной политической среде.

Наша гипотеза состоит в том, что склонность к морализаторству становится ключевой особенностью, своего рода *особым путем* малых держав, метафорически говоря – их *Sonderweg* (нем. «особый путь»).

Под *моральным фундаментализмом* мы имеем в виду не просто абстрактную ценность всеобщей справедливости, а конкретную моральную норму того или иного политического сообщества, – его цементирующий фактор, которому нет альтернативы. Такая норма может быть обусловлена, например, зависимостью от предшествующего пути развития (*англ.* path dependencies) – чрезмерным акцентом на исторически передаваемых из поколения в поколение представлениях определенных обществ об обеспечении своего выживания и образа жизни. Или она может быть результатом секуляризации или постсекуляризации, реставрации или ренессанса какого-то нравственного кодекса. Эта норма, *понимаемая как нравственная заслуга*, становится манипулятивным инструментом конкретной политики того или иного малого государства.

Методология исследования сочетает историко-сравнительный метод, позволяющий понять детали политико-исторического развития малых держав в диахронической перспективе, и теорию «слабых сигналов», которые являются ранними индикаторами значимых будущих событий: если обращать внимание на как можно большее количество событий, на первый взгляд кажущихся странными или случайными, то можно фиксировать возникновение новой тенденции. По своей методологической значимости теория «слабых сигналов» соразмерна уликовой парадигме К. Гинзбурга [Ansoff, 1975].

Sonderweg малых держав в Европейском союзе

В первой трети XXI в. Европейский союз достиг пределов своего развития. Объединение пережило и продолжает переживать ряд внутренних кризисов, которые подрывают его легитимность, а их негативные последствия затормаживают его развитие. В их числе – миграционный кризис, радикализация исламизма и, следовательно, угроза терроризма, кризис еврозоны, Брекзит, пандемия COVID-19 и последовавшая фрагментация политик стран – участниц ЕС по обеспечению безопасности. Сегодня ЕС стоит перед неоднозначной перспективой очередного расширения. После крупнейшего в истории ЕС расширения в 2004 г. в объединении возник ряд проблем самого разного характера, которые до сих пор не решены, – например, рост противоречий по различным «чувствительным» вопросам развития интеграции, усложнение архитектуры ЕС, разная степень участия государств-членов в еврозоне или Шенгенской зоне, снижение эффективности работы институтов в силу расширения их состава.

Анонсированное еврочиновниками очередное расширение Евросоюза к 2030 г. актуализирует дискуссии о целесообразности и своевременности данного шага. Проблема в том, что каждый новый этап процесса европейской интеграции требует коррекции существующих в ЕС разнообразных правил со-существования. Например, для Великобритании на протяжении всего периода ее пребывания в ЕС были введены особые условия членства; Ирландии, чтобы добиться от нее ратификации Лиссабонского договора, была предоставлена возможность сохранять суверенитет в области обороны; кроме того, Ирландия была единственной страной, где проводился референдум по одобрению Лиссабонского договора, потому что такое требование закреплено в ее Конституции¹.

Поиск путей реагирования на кризисы и защита общества являются одними из основных обязанностей политического руководства ЕС [Christensen, Lægheid, Rykkja, 2019, p. 18]. Однако из-за институциональной сложности объединения и разнообразия его

---

¹ В 2008 г. более 53% ирландцев высказались против подписания Лиссабонского договора [McDonald, 2008]. Когда через год состоялся повторный референдум, уже 67% ирландцев одобрили Договор, т.е. за весьма короткое время 20% жителей страны переменили свое мнение на противоположное [Lisbon Treaty ... , 2009].

участников это не всегда проходит безболезненно. ЕС вынужден учитывать различие культур безопасности входящих в него государств. Помимо этого, он должен одновременно и формировать европейскую идентичность, и укреплять национальные идентичности стран-участниц. Поэтому в силу сложности решаемых задач ЕС не всегда действует успешно как в своей региональной политике, так и во внешней.

Ядром, формирующим экзистенциальную политическую реальность ЕС, являются ценности свободы, мира, демократии, верховенства закона, прав человека. Они являются императивными мировоззренческими приоритетами, составляющими нормативную силу Европейского союза [Manners, 2002].

Если определять малые государства в Европе по количественным показателям (по численности населения), их окажется не так много: согласно критериям Всемирного банка – пять, согласно критериям Statista – 11 (наибольшее значение – 1 322 766 человек в Эстонии, наименьшее – 32 688 человек в Гибралтаре) [Estimated population ... , 2022]. Но если применить еще и качественный критерий, то малых стран ЕС станет больше. В последнее время среди них особенно выделяются Латвия и Литва, которые вместе с Эстонией стали фанатичными апологетами вышеуказанных мировоззренческих приоритетов, настаивающими на их безусловном принятии (просто на веру), и посредством этого неожиданно приобрели силу и политический вес. Страны Балтии настаивают на том, что защита прав человека во всем мире является истинным правосудием, а приобщение к борьбе за права человека – высшим идеалом и ценностью ЕС.

Латвия, Литва и Эстония «заманивают» своих более крупных партнеров в тенета базовых ценностных установок ЕС угрозой тотального общественного (в том числе и международного) морального осуждения «отступников» или сомневающихся. Стремление играть более значимую роль в делах европейской интеграции подтолкнуло страны Балтии к вовлечению «тяжеловесов» объединения в ловушку Гоббса¹ – в антагонизм с Россией. «Годы советской оккупации» позволили этим странам, нациям-государствам, реализовать репутационный проект «мученичест-

---

¹ Теория, объясняющая нанесение превентивных ударов обоюдным страхом перед действиями противника. (Прим. ред.).

ва», в котором они представляли как «борцы или воины, которые сражались против “темных сил” в космической битве добра со злом», т.е. против советского коммунизма за западные ценности [Зыгмонт, 2019, с. 148]. Кроме того, «ориентация на Запад в значительной мере смягчила в этих странах resentment и блокировала возможность авторитарного реванша» [Урнов, 2011, с. 13].

По мнению политических элит балтийских стран, это дает им безусловное нравственное право транслировать вышеперечисленные политические моральные ценности и принципы ЕС и использовать их для завлечения остальных стран – участниц ЕС в «антироссийскость». Для «истинно верующих» в нормы и правила ЕС из этой ловушки нет выхода. Например, свои требования остановить строительство газопроводов «Северный поток» и «Северный поток-2» балтийские страны обосновывали потоками морализаторства, противопоставляя морально-должное поведение объективной энергетической зависимости ЕС от Москвы [Кукарцева, Коломоец, 2019]. Действующий депутат Европарламента и бывший председатель партии труда Литвы Виктор Успаских назвал подобное отношение балтийских государств к «Северным потокам» предвзятым [Павлова, 2021].

Территориальная близость к России, живущей по собственным нормам, далеким от европейского нравственного кодекса, – еще один фактор, способствующий превращению Эстонии, Латвии и Литвы в системного интегратора ЕС и одновременно позволяющий им получать дотации от Евросоюза, например на строительство стены на границе с Россией.

Конфликт ЕС с Россией позволил этим странам не только гипертрофировать роль нормативной силы в жизни ЕС, но и уравнять условия собственного выживания с условиями выживания всего Евросоюза [Павлова, 2021]. Многие эксперты отмечают усиление политической роли стран Балтии в ЕС на фоне эскалации украинского кризиса. Наряду с другими малыми государствами (Словакией, Словенией, Чехией) при поддержке средних (Польша, Болгарии, Венгрии) они выступают за ускоренное принятие Украины в состав ЕС, в то время как представители Старого Света (например, Германия) подчеркивают, что процесс вступления в ЕС проходит поэтапно и не может произойти за несколько месяцев [Бербок заявила ... , 2022]. Занимая позиции верных защитников

«истинного европейского духа», страны Балтии приобретают в объединении все больший политический вес. Манипулируя идеалами Европы, они превращаются в малые державы, которые в состоянии сформировать в ЕС собственную повестку и получить выгоды, несоизмеримый с их собственными возможностями.

Sonderweg малых держав Юго-Восточной Азии в АСЕАН

На всем протяжении своей истории АСЕАН развивалась в «оборонительной» логике, с разной степенью успеха защищая себя от различных социально-экономических и политических кризисов, угрожавших объединению изнутри и извне. Тем не менее в настоящее время, по мере увеличения числа нетрадиционных угроз безопасности и обострения их традиционных форм, многие эксперты заговорили о кризисе легитимности и солидарности в Ассоциации. Подобные оценки во многом справедливы: с учетом существующего комплекса внешних проблем и внутренних дисбалансов АСЕАН действительно неспособна эффективно управлять (*англ.* conflict management) и тем более разрешать (*англ.* conflict resolution) существующие кризисные ситуации без «примыкания» к более крупным партнерам – Китаю, США или ЕС.

То же самое мы наблюдали и ранее на примере того, как АСЕАН реагировала на два масштабных финансово-экономических кризиса – азиатский (1997–1998) и мировой (2008–2009); сопровождавшие их шоковые потрясения поставили под вопрос стрессоустойчивость объединения и его способность обеспечивать свою социальную безопасность. Однако именно в последние три–пять лет мы становимся свидетелями переоценки роли и субъектности АСЕАН в комплексе безопасности в АТР: с одной стороны, Ассоциации пришлось решать проблемы, связанные с разрывом региональных цепочек добавленной стоимости и несовершенством национальных систем здравоохранения во время пандемии COVID-19, с другой – она столкнулась с обострением ситуации в Южно-Китайском море и продолжающимся гуманитарным и политическим кризисом в Мьянме.

Важно отметить, что инструменты обеспечения социальной безопасности в Юго-Восточной Азии и способы адаптации АСЕАН к различным внутренним и внешним шокам отличаются от инструментов и моделей, используемых в ЕС.

Во-первых, в Ассоциации отсутствует наднациональный компонент, что на практике означает, что все происходящие в ее рамках политические и социально-экономические процессы являются результатом взаимодействия десяти суверенных государств.

Во-вторых, что логически вытекает из первого пункта, Ассоциация представляет собой группу малых и средних государств, большинство из которых (за исключением Таиланда) обрели независимость лишь в середине – второй половине XX в. и находятся в процессе формирования национальных идентичностей. К этому добавляются, вкуче с особенностями местных политических режимов, неурегулированные территориальные и иные конфликты, что приводит к росту политизации и секьюритизации интеграционных и иных процессов внутри объединения. Как итог, сакральный характер национального суверенитета и легитимизации политического режима в странах – участницах АСЕАН означает, что невозможно не только создать наднациональные органы по аналогии с ЕС, но даже начать обсуждать вопрос об их формировании и качественном углублении интеграции и расширении межгосударственного диалога.

В-третьих, колониальное наследие стран – участниц Ассоциации и опора на национальный суверенитет – причина намеренного отказа АСЕАН идти по пути «жесткой» институционализации в вопросах безопасности. В этом отношении – в отличие от ЕС, который является частью трансатлантического сообщества безопасности, – Ассоциация стремится максимально дистанцироваться от военно-политических альянсов.

Наконец, в-четвертых, Ассоциация на протяжении многих десятилетий опирается в своей деятельности на ряд основополагающих принципов, которые получили общее название «путь АСЕАН» (*англ.* ASEAN way): отказ от вмешательства в дела других государств, консультации и консенсус как базовый метод принятий решений, учет индивидуальных особенностей партнеров. Отдельно стоит отметить принцип, ставший своего рода «культурным кодом» объединения, – центральная роль АСЕАН (*англ.* ASEAN centrality). Продвигая идею «центральной роли», Ассоциация на концептуальном уровне стремится закрепить за собой статус ключевого игрока в региональных торгово-экономических

процессах и архитектуре безопасности в Азиатско-Тихоокеанском и Индо-Тихоокеанском регионах.

Указанные отличительные признаки непосредственным образом влияют на характер обеспечения безопасности в Юго-Восточной Азии, на способность АСЕАН справиться с кризисными явлениями и реагировать на чувствительные проблемы. Одной из таких проблем в настоящее время является вопрос о расширении объединения за счет присоединения Восточного Тимора.

Вопрос о потенциально возможном вступлении Восточного Тимора в АСЕАН в той или иной форме находился на повестке Ассоциации с 2011 г., когда Дили (столица Восточного Тимора) официально подал заявку на членство. Но именно в последние два года ситуация получила новое развитие. Так, в ходе саммита АСЕАН в Камбодже в ноябре 2022 г. участники объединения приняли итоговый документ, в котором было зафиксировано, что стороны «принципиально» договорились о предоставлении Восточному Тимору статуса наблюдателя и принятии этой страны в объединение в будущем [ASEAN leaders' statement ... , 2022].

Год спустя во время индонезийского председательства в АСЕАН произошло еще более знаменательное событие – Восточный Тимор впервые принял участие в АСЕАНовском мероприятии в качестве наблюдателя. Более того, страны – участницы АСЕАН приняли Дорожную карту по включению Восточного Тимора в состав объединения [Chairman's statement ... , 2023].

Несмотря на широкий общественный резонанс, стремление Восточного Тимора к интеграции в АСЕАН и кажущаяся готовность объединения расширить свой состав по ряду причин вызывают скепсис как по поводу перспектив вступления страны в Ассоциацию в ближайшие годы, так и по поводу реальной значимости этого шага.

Во-первых, как показывает международная практика интеграционных процессов, в том числе в ЕС, статус наблюдателя или кандидата в члены интеграционного или иного объединения не является гарантией последующего вступления.

Во-вторых, некоторые страны – участницы АСЕАН, например Сингапур, до сих пор высказывают опасения по вопросу вступления Восточного Тимора в состав объединения, не желая брать на себя дополнительное финансовое бремя по интеграции нового

участника и «подтягиванию» его уровня экономического развития под общий уровень АСЕАН [Shibata, 2023]. В экспертной среде также участились дискуссии по поводу того, внесет ли Восточный Тимор вклад в укрепление «центральной роли» АСЕАН или, наоборот, станет препятствием на пути дальнейшего развития объединения [Leach, Percival-Wood, 2023].

В-третьих, помимо экономической стороны вопроса, важно отметить и его нравственно-политическую составляющую. Получив официальную независимость лишь в 2002 г. и стремясь интегрироваться в мировое сообщество, Восточный Тимор активно позиционирует себя на мировой арене, как государство – поборник прав человека, международного права и демократических ценностей. Характерно, что политический истеблишмент Восточного Тимора неоднократно выступал с открытой критикой АСЕАН и отдельных стран – участниц объединения, – прежде всего, Мьянмы – за систематические нарушения прав человека [Burma rejects ... , 2015].

В настоящее время, уже получив на руки Дорожную карту по вступлению в АСЕАН, Восточный Тимор продолжает придерживаться избранной линии. В августе 2023 г. премьер-министр страны Шанана Гужман в очередной раз раскритиковал АСЕАН за неспособность справиться с кризисом в Мьянме и добавил, что государство не вступит в Ассоциацию, если ей не удастся урегулировать данный конфликт [Премьер Восточного ... , 2023].

Таким образом, любые дискуссии о расширении объединения за счет принятия Восточного Тимора теперь будут приводить к дальнейшей политизации межгосударственного диалога в АСЕАН. Кроме того, как и в случае ЕС, способность Ассоциации к расширению без потери качества и скорости принятия решений, особенно с учетом нынешних кризисных тенденций, вызывает серьезные вопросы.

Диффузия новой модели поведения малых государств

Новая стратегия поведения малых государств в отношениях со средними в рамках различных союзов привела к распространению этой стратегии и ее использованию, в свою очередь, средними державами.

Например, политический курс, который проводит Венгрия в рамках ЕС показывает, что средняя держава, также апеллируя к

морали и ценностям, может «заманивать» своих партнеров по союзу в дискуссию о новых принципах европейского консенсуса. Но, в отличие от балтийских стран, придерживающихся интерналистского внутреннего подхода, Венгрия опирается на экстерналистский и предлагает учитывать контекст: смысл нравственных норм, ценностей и идеалов генерируется не изолированно, политическая экзистенциальная реальность не дана раз и навсегда, а может и должна быть трансформирована и модифицирована в процессе развития интеграционных процессов, если в союз входят одновременно и представители классических европейских политических традиций, и других политических культур.

Пример Венгрии иллюстрирует классическую развилку, с которой сталкиваются практически все многосторонние объединения – интеграция вглубь и / или вширь. Венгрия аргументировано критикует одномерность интерпретации нормативной силы ЕС, указывая, что нормы ЕС могут отличаться от того, что принято на местных уровнях. Поэтому балтийские государства часто обвиняют Венгрию в подрыве европейских ценностей, а некоторые европейские СМИ и вовсе именуют ее «первым авторитарным режимом в ЕС» [Просвинова, 2020], поскольку под вопрос ставится само понимание нормативной силы ЕС как неизменного монолитного нравственного идеала.

В 2014 г. премьер-министр Венгрии В. Орбан заявил о построении в стране нелиберальной демократии – модели, при которой происходит отделение демократических процедур от демократических прав [Ding, Slater, 2020], другими словами, – сохраняются демократические процедуры в виде выборов при фактическом отсутствии демократических прав в виде свободы слова, собраний и т.д. Один из примеров – усиление давления на оппозиционные венгерские СМИ (хотя правительство это отрицает), о чем сообщалось в отчете Европейской федерации журналистов за 2019 г. Согласно представленному отчету, венгерское правительство манипулирует медиарынком Венгрии, закрывая или поглощая независимые СМИ [Conclusions ... , 2019]. В связи с этим в октябре 2023 г. Европейский парламент выступил за принятие закона ЕС о свободе СМИ, направленного на их защиту от давления со стороны властей. Европейская комиссия рассматривает принятие такого закона как «предупреждающий для Венгрии сигнал» [Замглавы ЕК ... , 2023].

Тем не менее по смыслу выигрыш Венгрии – такой же, как выигрыш балтийских стран, хотя и с другим знаком. Венгрия выступает одновременно и как интегратор союза, и как сила, запускающая процессы его энтропии. Тем самым ее поведение парадоксальным образом становится одним из необходимых условий устойчивости ЕС, ведь Евросоюз *обязан* реагировать на «венгерский вызов», иначе ситуация выйдет из-под контроля, напрямую угрожая как минимум социетальной безопасности объединения. «Заманивая» ЕС в дискуссию о нравственных основах, Венгрия, опираясь лишь на собственные небольшие силы, контролирует поведение ЕС в той же мере, как и балтийские государства. Тем самым в конечном итоге еще более обостряются проблемы, связанные с формированием единства внутри объединения.

В АСЕАН новую модель поведения малых государств перенимает Мьянма, с которой связаны две комплексные проблемы в области социетальной безопасности, имеющие прямое отношение деятельности Ассоциации в целом: проблема мусульман рохинджа и глубокий политический кризис в стране.

Первая проблема – геноцид этнического меньшинства рохинджа, с одной стороны, стала причиной глубокого социально-экономического и гуманитарного кризиса в Мьянме и ряде других стран – членов АСЕАН и обострила вопросы, связанные с социетальной безопасностью в ЮВА, в особенности в Малайзии. Малайзийские власти с первых дней после начала конфликта критиковали действия руководства Мьянмы и выражали опасения, что дестабилизация положения в Мьянме может привести к распространению радикального исламизма по всему региону, росту террористической активности и новому притоку беженцев в Малайзию и другие государства региона [Smith, 2017]. По оценкам ООН, на конец августа 2023 г. в Малайзии насчитывалось более 106 тыс. беженцев рохинджа и в общей сложности 159 тыс. беженцев из Мьянмы [Figures at a glance ... , 2023].

С другой стороны, с началом гуманитарного кризиса в странах – участницах АСЕАН, прежде всего Малайзии и Индонезии, активизировались дискуссии о неэффективности АСЕАН в урегулировании конфликтов и необходимости пересмотра отдельных основополагающих принципов объединения. В первую очередь, речь шла о возможном отходе от принципа невмешательства во внутренние дела

другого государства в случае нарушения прав человека или геноцида в стране – участнице Ассоциации [Ekklesia, Fitriani, 2018].

Вторая проблема – затяжной политический кризис, связанный с приходом военных к власти в Мьянме в 2021 г., результатом которого стала череда социальных потрясений: насильственный разгон протестующих, обвинявших главнокомандующего вооруженными силами Мьянмы Мин Аун Хлайна в организации военного переворота, введение в стране режима чрезвычайного положения, массовые аресты и задержания, блокирование социальных сетей, ряд других репрессивных действий [Ефремова, 2021].

В этих условиях остальные страны – участницы АСЕАН в 2021 г. сформулировали так называемый «консенсус из пяти пунктов», направленный на прекращение насильственных действий в отношении населения Мьянмы и начало мирных переговоров с ее вооруженными силами. Тем не менее Мьянма отвергла эти предложения, мотивируя это фактическим блокированием ее участия в АСЕАН. Таким образом, де-юре Мьянма сохраняет членство в АСЕАН, однако де-факто не допускается к участию в саммитах Ассоциации и лишена права председательства в объединении.

Более того, продвигаемые инициативы по мирному урегулированию кризиса в Мьянме не приводят к каким-либо позитивным результатам во многом в виду отсутствия у АСЕАН необходимого дипломатического веса и реальных рычагов давления на действующие власти страны. Об отсутствии существенного прогресса в реализации «консенсуса из пяти пунктов» прямым текстом заявил президент Индонезии Джоко Видодо в своей вступительной речи на саммите АСЕАН в мае 2023 г. [Opening remarks ... , 2023].

Следует также отметить, что, как и в случае с геноцидом мусульман рохинджа, Малайзия и Индонезия последовательно выступают за ужесточение риторики и мер в отношении Мьянмы для скорейшего завершения политического кризиса. В частности, в 2021 г. тогдашний министр иностранных дел Малайзии Сайфуддин Абдулла призвал коллег по АСЕАН сменить принцип невмешательства (*англ. non-interference*) на принцип небезразличия (*англ. non-indifference*) применительно к решению проблемы Мьянмы [Kumar, 2021].

Таким образом, пример Мьянмы, во-первых, показывает, что в АСЕАН усиливаются дезинтеграционные процессы, и, во-вторых,

демонстрирует готовность некоторых стран – участниц Ассоциации к кардинальному пересмотру базовых принципов функционирования объединения. Однако ревизия «пути АСЕАН» и публичные обсуждения данного шага могут внести еще больший раскол в ее ряды и поставить под вопрос жизнеспособность организации в целом.

***

Итак, какой же представляется новая модель поведения малых государств в союзах и интеграциях с более крупными державами, вынуждающая последние не просто «терпеть» автономное поведение зависимых политических акторов, но и позволять им прямо или косвенно влиять на выбор пути развития союза, на его политическую стратегию? Мы полагаем, что природа этой модели, которую мы предварительно назвали «заманиванием» (поскольку ее суть – стремление склонить «тяжеловесов» союза к определенному алгоритму действий), в отсутствие других возможностей подчинения союзников своей воле, связана, в первую очередь, с акцентированием в политике малых государств склонности к морализаторству, догматическому нормативизму.

На бытовом уровне такую политику можно назвать шантажом или «союзническим популизмом». Акцентирование своей роли в союзе, представление себя в качестве государства-эталона, неукоснительно следующего определенной глобальной норме, кодексу правил, которые сам союз и придумал, во имя соблюдения которых он и был создан, и которые составляют платформу его легитимации и саморепрезентации в международной политической среде, делает малое государство «малой державой», в определенной мере – оплотом союза. При этом малое государство может одновременно своим морализмом разрушать базовые установки союза, удивительным образом совмещая функции его интегратора и реинтегратора.

Такая тактика направлена на максимизацию выгод и удержание своего места в системе. Мы полагаем, что такая модель в силу ее относительной простоты будет все больше востребована не только малыми, но и средними игроками. Формирование новой модели поведения малых государств и ее особенности указывают на то, что теории, описывающие взаимодействие игроков в интеграционных и иных объединениях, требуют новых исследовательских подходов. Не менее важно и то, что анализ этой новой моде-

ли обладает существенным потенциалом для прогнозирования явлений, которые могут оказать значимое влияние на ход дальнейших политических процессов в международных отношениях.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Бербок заявила, что вступление Украины в ЕС не может осуществиться за несколько месяцев. (2022) // ТАСС. – Москва. – 28.02. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13900221> (дата обращения: 10.12.2023) [Baerbock said that Ukraine's accession to the EU cannot be accomplished in a few months [*Berbok zajavila, chto vstuplenie Ukrainy v ES ne mozhet osushhestvit'sja za neskol'ko mesjacev*]. (2022) // TASS. – Moscow. – 28.02. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13900221> (date of access: 10.12.2023)]. (In Russian).

Ефремова К. (2021). Поствыборный кризис в Мьянме // Пути к миру и безопасности / РАН, ИМЭМО. – Москва. – № 1 (60). – С. 89–98 [Efremova K. (2021). Post-election crisis in Myanmar [*Postvybornyj krizis v M'janme*] // Pathways to peace and security / RAS, IMEMO. – Moscow. – N 1 (60). – P. 89–98]. (In Russian).

Замглавы ЕК назвала новый закон ЕС о свободе СМИ предупреждением для Венгрии и Франции. (2023) // ТАСС. – Москва. – 04.10. – URL: <https://tass.ru/politika/18905677> (дата обращения: 10.12.2023) [The deputy head of the EC called the new EU law on media freedom a warning for Hungary and France [*Zamglavy EK nazvala novyj zakon ES o svobode SMI preduprezhdeniem dlja Vengrii i Francii*]. (2023) // TASS. – Moscow. – 04.10. – URL: <https://tass.ru/politika/18905677> (date of access: 10.12.2023)]. (In Russian).

Зыгмонт А. (2019). «Dulce et decorum est»: феномен мученичества в западных национализмах XVIII–XX веков // Социологическое обозрение. – Москва. – № 3. – С. 143–171 [Zygmont A. (2019). «Dulce et decorum est»: the phenomenon of martyrdom in Western nationalisms of the 18th–20th centuries [*«Dulce et decorum est»: fenomen muchenichestva v zapadnyh nacionalizmah XVIII–XX vekov*] // Sociological review. – Moscow. – N 3. – P. 143–171]. (In Russian).

Кукарцева М.А., Коломоец Е.Н. (2019). Философия истории Европейского союза как диалектика сущего и должного // Вопросы философии. – Москва. – № 5. – С. 70–80 [Kukartseva M.A., Kolomoets E.N. (2019). Philosophy of the history of the European Union as a dialectic of what is and what should be [*Filosofija istorii Evropejskogo sojuza kak dialektika sushhego i dolzhnogo*] // Problems of philosophy. – Moscow. – N 5. – P. 70–80]. (In Russian).

Павлова А. (2021). Как Прибалтика разрушала отношения ЕС и России // Baltnews. – Москва. – 25.03. – URL: https://lt.baltnews.com/Russia_West/20210325/1020681939/Kak-Pribaltika-razrushala-otnosheniya-ES-i-Rossii.html (дата обращения: 10.12.2023) [Pavlova A. (2021). How the Baltic States destroyed relations between the EU and Russia [*Kak Pribaltika razrushala otnosheniya ES i Rossii*] // Baltnews. – Moscow. – 25.03. – URL: https://lt.baltnews.com/Russia_West/20210325/1020681939/Kak-Pribaltika-razrushala-otnosheniya-ES-i-Rossii.html (date of access: 10.12.2023)]. (In Russian).

Премьер Восточного Тимора назвал условие присоединения к АСЕАН. (2023) // РИА Новости. – Москва. – 07.08. – URL: <https://ria.ru/20230807/timor-1888557575.html> (дата обращения: 10.12.2023) [The Prime Minister of East Timor named the conditions for joining ASEAN [*Prem' er Vostochnogo Timora nazval uslovie prisoedinenija k ASEAN*]. (2023) // RIA Novosti. – Moscow. – 07.08. – URL: <https://ria.ru/20230807/timor-1888557575.html> (date of access: 10.12.2023)]. (In Russian).

Просвиорова О. (2020). Систематическая ликвидация свободы СМИ : как в Венгрии исчезает независимая пресса // BBC News. Русская служба. – London. – 27.07. – URL: <https://web.archive.org/web/20200729092613/https://www.bbc.com/russian/features-53558798> (дата обращения: 10.12.2023) [Prosvirova O. (2020). Systematic elimination of media freedom : how the independent press is disappearing in Hungary [*Sistematicheskaja likvidacija svobody SMI : kak v Vengrii ischezhaet nezavisimaja pressa*] // BBC News. Russian service. – London. – 27.07. – URL: <https://web.archive.org/web/20200729092613/https://www.bbc.com/russian/features-53558798> (date of access: 10.12.2023)]. (In Russian).

Скриба А.С. (2014). Балансирование малых и средних государств // Международные процессы. – Москва. – Т. 12, № 4. – С. 88–100 [Skriba A.S. (2014). The balancing of small and medium-sized states [*Balansirovanie malyh i srednih gosudarstv*] // International processes. – Moscow. – Vol. 12. Issue 4. – P. 88–100]. (In Russian).

Урнов М.Ю. (2011). Роль культуры в демократическом транзите // Общественные науки и современность. – Москва. – № 6. – С. 5–17 [Urnov M.Yu. (2011). The role of culture in democratic transition [*Rol' kul'tury v demokraticeskom tranzite*] // Social sciences and contemporary world. – Moscow. – N 6. – P. 5–17]. (In Russian).

Ansoff H.I. (1975). Managing strategic surprise by response to weak signals // California management review / Univ. of California. – Berkeley, CA. – Vol. 18. Issue 2. – P. 21–33.

ASEAN leaders' statement on the application of Timor-Leste for ASEAN membership. (2022) / ASEAN. – Phnom Penh. – 2 p. – URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2022/11/05-ASEAN-Leaders-Statement-on-the-Application-of-Timor-Leste-for-ASEAN-Membership.pdf> (date of access: 10.12.2023).

Burma rejects «unbalanced» Rohingya remarks by Nobel prize winners. (2015) // The Guardian. – London. – 31.05. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/may/31/burma-rejects-unbalanced-rohingya-remarks-by-nobel-prize-winners> (date of access: 10.12.2023).

Chairman's statement of the 42nd ASEAN Summit. (2023) / ASEAN. – Labuan Bajo. – 10–11.05. – 25 p. – URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2023/05/FINAL-Chairmans-Statement-42nd-ASEAN-Summit-1.pdf> (date of access: 10.12.2023).

Christensen T., Lægread P., Rykkja L.H. (2019). Organizing for societal security and crisis management : governance capacity and legitimacy // Societal security and crisis management / P. Lægread, L.H. Rykkja (Eds.). – London : Palgrave Macmillan. – P. 1–23.

Conclusions of the joint international press freedom mission to Hungary. (2019) / International press institute. – Vienna. – 03.12. – 7 p. – URL: <https://ipi.media/wp-content/uploads/2019/12/Hungary-Conclusions-International-Mission-Final.pdf> (date of access: 10.12.2023).

Ding I., Slater D. (2020). Democratic decoupling // Democratization. – Abingdon-on-Thames : Taylor & Francis. – Vol. 28. Issue 2. – P. 1–18.

Ekklesia G., Fitriani E. (2018). Changes in Malaysia's behaviour of ASEAN non intervention principle in the Rohingya case // J. of strategic and global studies / Univ. Indonesia. – Depok, West Java. – Vol. 1. Issue 1. – P. 84–100.

Estimated population of selected European countries in 2023. (2022) // Statista. – New York. – URL: <https://www.statista.com/statistics/685846/population-of-selected-european-countries/> (date of access: 10.12.2023).

Figures at a glance in Malaysia. (2023) / UNHCR. – Geneva. – URL: <https://www.unhcr.org/my/what-we-do/figures-glance-malaysia> (date of access: 10.12.2023).

Henderson J. (1991). New Zealand and the foreign policy of small states // Beyond New Zealand II : foreign policy into the 1990s / R. Kennaway, J. Henderson (Eds.). – Auckland : Longman Paul. – P. 3–13.

Köllner P. (2021). Australia and New Zealand recalibrate their China policies : convergence and divergence // Pacific review. – Abingdon-on-Thames : Taylor & Francis. – Vol. 34. Issue 3. – P. 405–436.

Kumar P. (2021). Malaysia urges ASEAN talks on Myanmar, «non-indifference» policy // NIKKEI Asia. – Tokyo. – 01.11. – URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Malaysia-urges-ASEAN-talks-on-Myanmar-non-indifference-policy> (date of access: 10.12.2023).

Leach M., Percival-Wood S. (2023). Timor-Leste's foreign policy and ASEAN // The paradox of ASEAN centrality : Timor-Leste betwixt and between / P.C. Seixas, N.C. Mendes, N. Lobner (Eds.). – Hague : Brill. – URL: <https://brill.com/display/book/9789004522923/front-6.xml> (date of access: 10.12.2023).

Lisbon Treaty passed with decisive 67% in favour. (2009) // The Irish Times. – Dublin. – 03.10. – URL: <https://www.irishtimes.com/news/lisbon-treaty-passed-with-decisive-67-in-favour-1.847182> (date of access: 10.12.2023).

Manners I. (2002). Normative power Europe : a contradiction in terms? // J. of common market studies. – Hoboken, NJ : John Wiley & Sons. – Vol. 40. Issue 2. – P. 235–258.

McDonald H. (2008). Irish voters reject EU treaty // The Guardian. – London. – 09.08. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2008/jun/13/ireland> (date of access: 10.12.2023).

Opening remarks His Excellency Joko Widodo President of the Republic of Indonesia : Retreat Session of 42nd ASEAN Summit. (2023) / Ministry of foreign affairs of the Republic of Indonesia. – Labuan Bajo. – 11.05. – URL: <https://kemlu.go.id/portal/en/read/4715/pidato/opening-remarks-his-excellency-joko-widodo-president-of-the-republic-of-indonesia-retreat-session-of-42nd-asean-summit> (date of access: 10.12.2023).

Paul J.A. (2000). Small states and territories // Global policy forum. – New York. – URL: <https://archive.globalpolicy.org/nations/micro.htm> (date of access: 10.12.2023).

Shibata N. (2023). East Timor faces economic challenges ahead of joining ASEAN // NIKKEI Asia. – Tokyo. – 12.02. – URL: <https://asia.nikkei.com/>

Politics/International-relations/East-Timor-faces-economic-challenges-ahead-of-joining-ASEAN (date of access: 10.12.2023).

Smith N. (2017). Malaysia warns Rohingya crisis could lead to Isil attacks in Burma // The Telegraph. – London. – 12.09. – URL: <https://web.archive.org/web/20170915065453/https://www.telegraph.co.uk/news/2017/09/12/malaysia-warns-rohingya-crisis-could-lead-isil-attacks-burma/> (date of access: 10.12.2023).

Thinking outside the bloc : explaining foreign policies of small states. (2013) / Gvalia G., Siroky D., Lebanidze B., Iashvili Z. // Security studies. – Philadelphia, PA. – Vol. 22. Issue 1. – P. 98–131.

Väyrynen R. (2019). Models of a new world : towards a synthesis // Outlines of global transformations : politics, economics, law. – Moscow. – Vol. 12. Issue 3. – P. 189–206.

DOI: 10.31249/ape/2024.01.11

© Glaser M.A.¹, © Koroleva (Krasikova) L.V.²,
© Korolev A.S.³

A new model of small states' behavior in regional integration institutions: the cases of the EU and ASEAN⁴

Abstract. *The article considers a new model of behavior of small states in integration associations on the example of the European Union (EU) and the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN). The authors analyze the policies of the Baltic countries within the EU, as well as the policies of Myanmar, the most «problematic» ASEAN member state, and East Timor, a potential member of the Association. By the new model, the authors mean the*

---

¹ **Glaser Marina Alekseevna** – ScD in Philosophy, Professor, School of International Relations, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University «Higher School of Economics»; mglaser@hse.ru

² **Koroleva (Krasikova) Lolita Vitalevna** – Research Assistant, Centre for Comprehensive European and International Studies, National Research University «Higher School of Economics»; lkrasikova@hse.ru

³ **Korolev Alexander Sergeevich** – PhD in Political Sciences, Deputy Director, Leading Researcher, Centre for Comprehensive European and International Studies, National Research University «Higher School of Economics»; Associate Professor, School of International Relations, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University «Higher School of Economics»; askorolev@hse.ru

⁴ The article was prepared with the financial support of the grant of the President of the Russian Federation for young PhD scientists MK-4715.2022.2.

strategy of «luring», which small states use to strengthen their political weight and negotiating positions in associations. However, in practice, one can also observe the opposite side of the «luring» strategy: small states, through their policies, generate challenges and threats to the functioning of the association, forcing the other member states to adapt to new crises.

The desire to participate in the integration process with larger and stronger players causes the Baltic states to use European values as a tool for «luring» middle and big powers into the rut of anti-Russianism. This strategy is manifested in numerous initiatives aimed at destroying relations between the EU and Russia from the very beginning of Latvia's, Lithuania's and Estonia's membership in the European Union. As a result of the promotion of Russophobia to the pan-European level, the Baltic states gain not only political weight in the development and adoption of EU foreign policy decisions, but also the ability to control the EU from within through the formation of internal associations of Russophobic countries, including Poland and others.

In ASEAN, Myanmar is currently the main «irritant» and, at the same time, a disruptor in the balance of power. The acute humanitarian crisis coupled with the difficult socio-political situation in the country after the military came to power has significantly destabilized integration processes in ASEAN, formed a threat to societal security in Southeast Asia (SEA) and highlighted the Association's inability to effectively respond to internal crises. The potential accession of East Timor into ASEAN is a subject of disagreement among the members of the Association and, under current conditions, could deepen the disintegration processes in ASEAN.

Keywords: *small powers, «luring», integration, values, political crisis, EU, ASEAN, Baltic countries, Hungary, Myanmar, East Timor.*

Статья поступила в редакцию (Received) 29.10.2023
Доработана после рецензирования (Revised) 06.11.2023
Принята к публикации (Accepted) 10.11.2023